

ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ

В.И. Аршинов

В заключение Круглого стола хотелось бы дать возможность высказаться, если они пожелают, нашим основным замечательным докладчикам. С них мы начали, я думаю, будет правильно, если мы их выступлениями и закончим наш Круглый стол.

М.Н. Эпштейн

Я, естественно, думал об основном упреке, который предъявлялся всем докладчикам, что мы не дефинируем точно личность, и хотел бы сказать о том, что есть дефиниции и есть инфиниции, т.е. такие дефиниции, которые заранее оговаривают свою собственную возможность. Инфиниция относится, как правило, к таким базовым понятиям для каждой дисциплины, которыми все определяется, но которые сами поэтому обречены остаться неопределимыми. Например, такие, как «душа» в психологии или «слово» в лингвистике. И мне кажется, что для персонологии таким инфинируемым, но не дефинируемым понятием является, конечно, личность. Личность – это способность, самосознание, самоопределение, самоопредмечивание, способность становиться личностью. И такое определение ничем не хуже того, которое Деррида дал деконструкции. Что такое деконструкция – ничто; что не есть деконструкция – всё. И это то, чем заканчивается мудрость определения деконструкции, т.е. бесконечная потенциальная инфиниция. Или – как определяется дао в даосизме? Дао, которое может быть названо, не есть стоящее дао. Наверное, к этим инфинируемым понятиям для персонологии относится личность.

Кроме того, мне хотелось бы по поводу проективности сказать, что для философа понятие «личность», «мыслящая личность», имеет особое значение, потому что философ, в сущности, оперирует личностным проектом. В современной литературе сегодня мы имеем дело с проектами – коммерческими структурами: Д. Донцова, Б. Акунин... Но мне кажется, сама сущность философского мышления состоит в том, что философ – это такая личность, которая постоянно

отчуждает себя в акте мышления и создает личности мыслящих. Как Платон создал Сократа и других героев своих диалогов, как Кьеркегор создал свои многочисленные то, что называется псевдонимы, как Бахтин спроецировал свою мысль в образах мыслящих персонажей Медведева и Волошина, и т.д., потому что в самой природе философской мысли лежит возможность мышления от имени кого-то другого. Вот поэтому так важен момент возникновения кого-то другого в акте философского мышления (не в бытовом мышлении на уровне текущей реальности). Философ создает некие мыслительные миры подобно тому, как художник создает изобразительные миры, и в этом смысле он всегда создает, так или иначе, своего собственного персонажа. У Гегеля есть свой собственный персонаж, хотя и не поименованный, это Абсолютный дух. У Ницше — Заратустра и тому подобное. Мне кажется, что этот круг проблем нам еще предстоит охарактеризовать — философия как проективное мышление, создающее личность кого-то другого. Спасибо.

Г.Л. Тульчинский

Откликнусь на некоторые соображения, которые мне представляются важными, которые я вынес из нашей двухдневной дискуссии, которые больше всего меня задели и которые дают вектор для работы на будущее.

Прежде всего — то, что пространство брендов — это не пространство людей. Именно таким брендом был Майкл Джексон — нечто внегендерное, внерасовое, даже в чем-то внеморальное... Пространство бренда — выход в пространство постчеловечности. Термин этот, возможно, не очень удачный, но он показывает то, что в настоящее время проблема идентичности и самосознания вышла за рамки понимания человека в качестве простой психосоматической целостности: беспёрого двуногого с мягкой мочкой уха и плоскими ногтями. Это все-таки уже какая-то иная проблематика человечности. Это не снятие проблемы человека, а какое-то ее расширение, выход в какое-то новое поле исследования.

Еще одна позвучавшая мысль мне представляется очень важной. Речь идет об этическом аспекте автопроектирова-

ния. Сейчас этические проблемы решаются технологически. Беспокойный подросток — нужно ему дать лекарство, и он станет тихим, послушным. Нужно активизировать умственную деятельность — тоже есть медикаментозные решения. Ни родители, ни учителя не при чем, их профессионализм и ответственность не обсуждаются. Этика всегда — проявление контекста. И какие же контексты задаются в наши дни? И кем? Кто и как задает образцы, критерии? Возникает новое представление о социальности. Вспомним — каждый из нас живет и действует в рамках субкультуры (этнической, профессиональной, конфессиональной, гендерной, возрастной...), поэтому мы всегда ориентируемся на кого-то. В.М. Розин говорил о своей «природной» нравственности. Но и она была обусловлена его принадлежностью к обществу «щедровитян». В наши дни эти идентичности дробятся и дробятся. А где общие критерии? Есть ли какие-то общие критерии, то, что нас объединяет? Мы утрачиваем даже общность биологического происхождения. Утрачиваются, меняются биологические основы существования. Существуют ли этические универсалии? Можно ли их строить?

Очень важной мне представляется концептуальная проблема типизации, ремейка, метафоризации — как способов автопроектирования и брендинга. Может быть, все сводится к классической теории стиля, а может быть и нет. Может, в процессе дальнейшего анализа выявятся какие-то новые повороты мысли, новая проблематика.

Согласен с тем, что эти процессы и их анализ носят нелинейный характер и, что такой подход нуждается в прописывании. Однако тут есть опасность ухода в слова, подмены реального анализа и осмысления некими словесными «формулами». Мне представляется, что нас еще ждет осмысление нелинейности человеческой природы, свободы.

Относительно самозванства. Для меня самозванец — не только политический феномен. Это персонологическая проблема, прежде всего нравственная. Для себя я давно уже выработал некоторые критерии. Для меня самозванцы — это те, кто готов делать других людей счастливыми помимо и вопреки их воле. И тогда проблема этического критерия переходит из проблемы цели в проблему средства. Если я ис-

пользую такие средства, которые нарушают свободу другого, вот тогда мы имеем дело не с призыванием, исполнением долга, а с самозванством. Но это уже не просто политическое самозванство, а метафизика нравственности.

Относительно того, что автор не умирает в тексте и где автор рождается, где тот персонаж, которому можно приписать авторство. В тексте автор все-таки как-то идентифицируется, с помощью герменевтики можно анализировать порождаемые смыслы, приписывать какие-то имена.

И, что касается автопроекта. Мне кажется, что это проблема не только личности. Это уже прозвучало у А.П. Люсого: и Россия автопроект, и каждый из нас несет в себе какие-то образы региона, страны, космоса, и все мы живем в довольно реальном режиме автопроектирования некоего целостного космоса.

Мы не ожидали, что тема нашего Круглого стола получит такой большой отклик, что люди не то что придут, но приедут из Сыктывкара, из Харькова, из Ростова, из Ставрополя... Видимо, эта тематика задела за живое, люди увидели в ней новые возможности «расширения своих идеальных кодов». Дай Бог, чтобы эти возможности осуществились не только в расширении сознания, но и в реализации наших «автопроектов».

В заключительном слове Х.Э. Мариносян поблагодарил всех участников круглого стола за плодотворную работу и выразил надежду, что разговор этот будет продолжен.